

Александр Ю. Братухин
Пермский государственный университет

МИФ О ФЕНИКСЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХРИСТИАНСКИХ АВТОРОВ

Миф о фениксе имеет египетское происхождение. В городе Оне (Гелиуполе) почитался как святыня камень "Бенбен", на котором в виде птицы бену (феникса), по преданию, впервые явилось солнце (Матье 1956: 18). Рядом с гробницей Осириса иногда изображалось дерево, на котором сидит душа Осириса в виде феникса (Матье 1956: 53). Для Отцов Церкви так же, как и для их современников-язычников, это был рассказ о явлении, хотя и таинственном, но реальном. Вспомним слова Филона Александрийского о том, что в огне возможна жизнь: "Ведь необходимо, чтобы все мироздание было одушевлено во всех своих частях, если каждый из первоэлементов, лежащих в его основе, вмещает в себя подобающие и соответствующие живые существа: земля — наземные, море и реки — живущие в воде, огонь — огненнородные (есть молва, что они большей частью бывают в Македонии), небо же — звезды" (О гигантах, 2, 7). Желанием избежать сказочности объясняется, по-видимому, введение некоторыми авторами в повествование "реалистического" мотива возникновения жизни из разложившихся останков, не считавшееся фантастическим и в более позднюю эпоху.

Большинство мифов объяснялись как приукрашенные истории из жизни древних царей или как происки демонов, то есть как реальные в глазах древних христиан события. Одни такие события церковные писатели считали знамениями свыше, другие — кознями дьявола. Миф о фениксе, приспособленный для проповеди христианства, является одним из немногих, относящихся к первым.

У античных авторов существовали три основные версии мифа о фениксе: 1) феникс рождается (необычным образом) и имеет отца, тело которого потом несет к месту погребения в Египет;

2) феникс, не имея отца, возрождается из гниющих останков; 3) феникс возникает из пепла. Рассмотрим некоторые свидетельства (те из них, переводчик которых не указан, переведены мной).

Геродот в "Истории" (II 73) пишет: "Есть еще одна священная птица, которую называют фениксом <...>. Говорят (мне это кажется недостоверным) что он делает следующее: Феникс, устремляясь из Аравии, несет умащенное смирной <тело> отца в храм Гелиоса и там его погребает". **Тацит** в "Анналах" (VI 28, 5-6) рассказывает о фениксе, который, когда приблизится смерть, делает гнездо и изливает в него животворную силу (*vim genitalem adfundere*). Из нее появляется птенец. Повзрослев, он переносит отцовское тело на алтарь Солнца и сжигает его там. Все это, по мнению Тацита, сомнительно и изобилует небылицами (*haec incerta et fabulosis aucta*). **Ахилл Татий** в сочинении "О любви Левкиппы и Клитофонта" (III 25) (кон. II в. по Р.Х.) пишет, что, когда феникс умирает, сын несет его к Нилу, сделав для него временную гробницу. **Элиан** (ок. 200 г. по Р.Х.) в сочинении "О природе животных" (VI 58), говоря о разумности феникса, восклицает: "Клянусь богами, разве не мудрость — знать, где находится Египет, где город Солнца (Гелиуполь), в который ему суждено прийти, и куда следует положить отца и в какую могилу?" Согласно **Гораполлону** (Иероглифика, II 57) (2-й пол. IV в. по Р.Х.), перед смертью феникс "бросается на землю и получает рану от удара, и из ихора, вытекающего из раны, рождается другой <феникс>. И он, как только оперится, отправляется в город Солнца в Египте с отцом, который, прибыв туда вместе с восходом солнца, умирает там. И после смерти отца птенец снова возвращается в свою отчизну, египетские жрецы хоронят того умершего феникса". **Артемидор** (2 пол. II в. по Р.Х.) в соннике (Онирокритика), IV 47, говоря о том, что может предвещать увиденный во сне феникс, приводит обе версии мифа; согласно одной из них, "феникс хоронит своего отца", согласно другой, "феникс не хоронит отца, и у него вообще нет оставшегося в живых отца и никого из предков, но всякий раз, когда к нему приближается смерть, он отправляется в Египет (откуда — люди не знают), и, создав сам себе из корицы и смирны

костер, на нем умирает. Через некоторое время после того, как костер загорается, из пепла, говорят, рождается червь, который при росте изменяется и опять становится фениксом <...>".

Овидий употребляет по отношению к фениксу глагол "возрождаться", однако в то же время говорит об "отцовской могиле" (Метаморфозы, XV 392-393; 402; 405-407): "Только одна возрождает себя своим семенем птица: (*una est, quae separet seque ipsa resemet, ales*) / "Феникс" ее ассирийцы зовут; <...> / Выйдя из праха отца, возрождается маленький феникс (*corpore de patris parvum phoenice renasci*). <...> / Благочестиво свою колыбель и отцову могилу / взяв <...>, / Дар на священный порог в Гипериона храме". (Пер. С.Шервинского.) Согласно **Плинию Старшему** (I в. по Р.Х.), сенатор Манилий сообщал, что феникс, состарившись, сооружает гнездо, в котором среди благовоний умирает. "Затем из его костей и костного мозга рождается сначала существо, похожее на червячка (*nasci primo seu vermiculum*), потом становится птенцом и в начале устраивает предшественнику надлежащие похороны и все гнездо, <что> возле Панхеи, переносит в город Солнца и там кладет на алтарь" (Естественная история, X 2, 4; о рождении феникса см. там же, XIII 42; ср.: Гай Юлий Солин [III в. по Р.Х.]. Собрание вещей достопамятных, 46). **Помпоний Мела** (I в. по Р.Х.) в "Землеописании" (III 8, 83-84), хотя и не говорит о черве, утверждает, что феникс, "сгущаясь из тления гниющих членов, сам себя зачинает и из себя возрождается". Кости прежнего тела он уносит на пылающий алтарь в городе Солнца в Египте. У **Клавдиана** (кон. IV-нач. V в.) в 1-й идиллии не сказано ни о черве, ни о рождении из гниющих останков (впрочем о погребении фениксом останков предшественника Клавдиан говорит): "Тотчас по членам рассыпанным <после сожжения> жизнь, пробегая, вскипает; / И наполняются кровью сосуды его обновленной. / Без принуждения прах сам собою, победу почуяв, / Двигаться вдруг начинает и перьями пепел скрывает. / Тот, кто родителем был, ныне сыном является миру (65-69). / Манов отцовских у Нила почтить благоговейно / Хочет и груды, в которой возник, отнести он в Египет" (72-74). В поэме "Феникс", приписываемой **Лактанцию**,

говорится о добровольной смерти в огне, и о последующем сжигании праха на алтаре: "Передают, что из пепла без членов сперва возникает / Червь, а еще говорят, белый имеет он цвет (101-102). Преображается после в того, каковым был он прежде; / Старую кожу порвав, фениксом новым он стал (105-106). Вечной он жизни достиг смерти ценою своей (170)" (ср. Иоанн Лаврентий Лид [VI в. по Р.Х.]. О месяцах, IV 11). Согласно византийскому автору XII-го в. по Р.Х. Иоанну Цецу (Хилиады, V 391-392), "всегда, когда приходит смерть, червь рождается сперва, / который в солнечных лучах станет фениксом опять" (Пер. М.И.Кук).

Итак, для нехристианских авторов феникс был только удивительной птицей. Для церковных писателей он стал символом. **Климент Римский** в "Послании к коринфянам" (ок. 96 г. по Р.Х.) (I 25) первым из них обращается к образу феникса: "Посмотрим на необыкновенное знамение, случающееся в восточных странах, то есть в тех, что около Аравии. Ибо <там> есть птица, которая называется феникс. Будучи единственной, она живет пятьсот лет. И приблизившись уже к смерти, делает себе гнездо из ливана и смирны и других благовоний, в которое, когда исполнится время, вступает и умирает. При гниении же плоти рождается некий червь, который, питаясь влагой умершего существа, оперяется; затем, став сильным, поднимает то гнездо, где находятся кости жившего прежде, и, неся его из аравийской земли в Египет, достигает города, называемого Городом Солнца. И прилетая днем, когда все видят, кладет ношу на алтарь солнца и таким образом отправляется назад".

Тертуллиан (2-я пол. II в. — 1-я пол. III в. по Р.Х.) обращается за помощью к примеру феникса (О воскресении плоти, 13, 1-4), доказывая воскресение плоти: "Если вселенная недостаточно являет образ воскресения, если творение ничем этого не подтверждает (ибо некоторые его части претерпевают не столько смерть, сколько остановку, и не возрождение, а преобразование), то вот перед тобой полнейший и достовернейший образ этой надежды, существо одушевленное, подвластное и жизни и смерти. Я разумею птицу, обитающую на Востоке, замечательную своей

редкостью и удивительную способностью к жизни: умирая по своей воле, она обновляется; умирая и возвращаясь в день своего рождения, феникс является там, где уже никого не было, вновь та, которой уже не было, иная и та же самая (*qui semetipsum libenter funerans renovat, natali fine decedens atque succedens, iterum phoenix ubi nemo iam, iterum ipse qui non iam, alius idem*). Что может быть яснее и убедительнее для нашего предмета? И чему еще служит это доказательство? Даже в Своем Писании Бог говорит: "ты процветешь, как феникс" (*et florebis enim, inquit, velut phoenix*) (ср.: Пс. 92/91, 13/12), то есть после смерти и погребения, чтобы ты поверил, что даже у огня можно отнять субстанцию тела. Господь сказал, что мы "лучше многих воробьев" (ср.: Мф. 10, 31). Если мы не лучше многих фениксов, то не беда. Но должны ли навсегда погибать люди, если аравийские птицы спокойны за свое воскресение?" (Пер. Н.Шабурова.) Из существующих версий этого мифа он выбирает наиболее поэтическую, которую находим до него у Стация (Леса, II 4, 36-37: "<...> не сломленный старостью косной / Феникс войдет в благовонное пламя счастливее ставшим" (Пер. Т.А.Хавровой) и Марциала (Эпиграммы, V 7, 1-4): "Как обновляет пожар огнем ассирийские гнезда, / Если минуло уже фениксу десять веков, / Также и Рим молодой сложил свою ветхую старость, / И на защитника он стал походить своего" (Пер. Ф.А.Петровского). Феникс Тертуллиана не возникает из сгнивших останков умершего предшественника, а появляется в день своей смерти, очевидно, из пепла. Версией Геродота (История, II 73) Тертуллиан пренебрегает. В отличие от Климента, так же как и он использующего эту легенду для того, чтобы оправдать веру в воскресение плоти, он не приводит ее второй части о путешествии феникса в Египет, ведь в этом случае речь не шла бы о возрождении в прежнем теле. Обходит он молчанием и фазу червя. Тертуллиан обычно отдает предпочтение буквальному пониманию того или иного рассказа перед аллегорическим. В отличие от Геродота (II 73) и Тацита (Анналы, VI 28, 6) Тертуллиан ничуть не сомневается в том, о чем пишет (о возрождении того же самого феникса). Плиний Старший говорит в "Естественной истории":

"Эфиопы и инды сообщают о весьма разнообразно окрашенных неопикуемых птицах и прежде всего о знаменитом фениксе из Аравии, — не знаю, вымысел ли это (*haud scio an fabulose*), — одном во всем мире <...>" (X 2, 3; ср. XXIX 29). Блаженный Августин (О душе и ее происхождении, IV [33], 20) также весьма осторожен: "Ведь то, что ты говоришь о фениксе, к делу, о котором идет речь, совершенно не относится, ибо она воскресение тел обозначает, а не отнимает пол у душ, если все-таки, как считается, возрождается после своей смерти (*si tamen, ut creditur, de sua morte renascitur*"). Ориген, споря с Кельсом, оказывается менее доверчивым, чем последний, в том, что касается феникса (Против Кельса, IV 98) (Hubaux, Leroy 1939: 189. n. 5). В подтверждение своих слов Тертуллиан ссылается на Писание.

13 (12)-й стих этого псалма переводится с иврита так: "Праведник будет цвести как пальма". Греческий перевод (*Septuaginta*) допускает двоякое понимание этого фрагмента, так как греческое слово ΦΟΙΝΙΞ переводится как "феникс", так и "финиковая пальма" (в поэме, приписываемой Лактанцию [стт. 69-70], название этого дерева производится от птицы, которая садилась на его вершине). Согласно латинской, английской (*The holy Bible. Oxford, 1925*) и немецкой (*Die Bibel in heutigem Deutsch. Stuttgart, 1990*) версиям речь здесь также идет о пальме. Сопоставим разбираемый стих псалма с книгой Иова (29, 18): "И говорил я: в гнезде моем скончаюсь, и дни мои будут многочисленны, как песок". Английский и немецкий переводы здесь принципиально различаются: "Then I said, I shall die in my nest, and I shall multiply my days as the sand" и "Ich hoffte, alt zu werden wie der Phönix und so wie er in meinem Nest zu sterben". Путаница эта объясняется тем, что еврейское слово *hōl* в книге Иова (29, 18) означает и "песок", и "феникс". *Septuaginta* и *Vulgata* понимают под образцом долгожительства пальму в отличие от равнинистической экзегезы, интерпретировавшей слово *hōl* как феникса (Hubaux, Leroy 1939: 49).

Итак, Тертуллиан готов признать существование небывалых чудес, если на них намекают слова Библии. Обращение к Священному Писанию "в некоторой степени указывает на его

эмпирический склад ума, поскольку такое обращение к письменным документам было одной из форм "безыскусной" аргументации, используемой в риторике" (Ayers 1979: 59). Тертуллиан не легковверен. Он лишь стремится выбрать наиболее эффектные рассказы, наиболее яркие примеры. Для него важно произвести впечатление на читателя, не доказать, а заговорить, убедить, действуя на эмоции. Надо отметить так же, что Тертуллиан не всегда следует поэтической (= мифической) версии в ущерб "научной". Так, говоря о Дидоне (К язычникам, I 18, 3; К мученикам, 4, 5; О душе, 33, 9; О поощрении целомудрия, 13, 3; О единобрачии, 17, 2), Тертуллиан совершенно игнорирует рассказ о ней Вергилия, следует более "историчной" версии, которую находим у Тимея (F.H.G. Vol. I. fr. 23) и в эпитоме Помпея Трога (XVIII 6).

По словам А.Г.Юрченко, существует поразительная разница между античным и христианским вариантом рождения феникса. "В первом случае мифическая птица естественным образом умирает, предварительно породив из собственного семени потомство, а во втором — феникс живым сгорает в огне, возрождаясь виртуальным образом из пепла". Ниже Юрченко высказывает предположение, что следует рассматривать "сокрытие пассажа о рождении новой птицы из семени отца как манипуляцию с текстом" (Юрченко 2001: 107-108). Думается, что не следует говорить о принципиальном различии между языческим и христианским вариантом рождения феникса. Как было сказано выше, христианин Климент Римский не говорил ни слова о восстании феникса из пепла, в то время как Стаций и Марциал писали именно об этом.

Согласно А.С.Уварову, "на христианских надписях Рима мы в первый раз встречаем феникса в 385 году, и, по-видимому, типичное изображение заимствовано от римских монет" (на этих монетах, отчеканенных при императоре Адриане, феникс появился в сопровождении надписи *aeternitas augusta* "священная вечность") (Уваров 2001: 232). В житии св. Цецилии (ок. 230 г.) рассказывается, что "святая на каменных саркофагах мучеников Максима, Валериана и Тибуртия видела феникса, которого Максим велел

изобразить как символ своего воскресения. Отсюда следует заключить, что феникс служил иконной передачей всех формул, относящихся к Воскресению" (Уваров 2001: 233).

Амвросий Медиоланский (IV в. по Р.Х.) в "Шестидневе" (V 23, 79) так рассказывает о фениксе: "Говорят, что также птица феникс в местах Аравии обитает, а живет она долгий век до пяти-сот лет. Когда она замечает, что приближается конец ее жизни, делает себе гроб из фимиама, мирры и прочих благовоний, в который, когда истекает время ее жизни, входит и умирает. Из влаги ее плоти возникает червь и постепенно растет и по истечении определенного времени обретает крылья и возвращает себе облик и форму прежней птицы. Итак, да научит нас эта птица хотя бы своим примером веровать в воскресение, которая и без примера, и без понимания разумом сама себе дает знамение воскресения. Разумеется, птицы существуют ради человека, не человек ради птиц. Итак, да будет это нам примером, ибо Создатель и Творец птиц не допускает, чтобы Его святые навсегда погибли; ведь Он, не допустив, чтоб погибла единственная птица, пожелал, чтобы она, восставшая из своего семени, восстановилась". Этот же автор в другом месте (О смерти брата своего Сатира, II 59) пишет: "Птица в аравийской стране, имя которой феникс, вновь возникающая из влаги своей отжившей плоти, хотя умерла, снова оживает. Неужели мы поверим, что лишь люди не воскресают? Но мы знаем и из часто звучащих разговоров и из авторитетных сочинений, что упомянутая птица имеет определенный период жизни в пять-сот лет, и что она после того, как узнает благодаря некой присущей ее природе способности предчувствовать, что наступает конец ее жизни, готовит себе из фимиама, мирры и прочих благовоний гроб и, когда завершается ее работа и время, входит в него и умирает. Из ее влаги появляется червь; постепенно он, вырастая, приобретает облик и повадки той же самой птицы. Оперившись, исполняет благочестия ради долг обновленной жизни. Ведь гроб тот или могилу для тела или колыбель для возрождающегося, умирая в которой, он падает, и падая, восстает, из Эфиопии в Ликаонию несет. <...> Итак, для этой птицы годом воскресения

является пятисотый, для нас — тысячный, для нее — в этом веке, для нас — при гибели мира. Многие даже полагают, что эта птица сама себе костер поджигает и из раскаленного пепла и золы снова оживает". **Исидор Севильский** (2-я пол. VI в. — 1-я пол. VII в. по Р.Х.) в "Этимологиях" (XII 7, 22) избегает натуралистических деталей возрождения феникса, также говоря о его восстании из пепла.

Фридрих Лаухерт полагает, что латинские апологеты, в том числе Тертуллиан, пользовались "Физиологом" (Lauchert 1889: 75). Однако говорить о зависимости апологета от этого сочинения представляется рискованным. Лаухерт после феникса (из сочинения "О воскресении плоти") пишет еще о змее, гиене и олене, названных Тертуллианом в третьей главе сочинения "О плаще" (весь §2). Эти три примера, по мнению этого ученого, также взяты из "Физиолога". На мой взгляд, сходство описаний указанных животных в этом произведении и у Тертуллиана не может быть достаточным аргументом в пользу зависимости второго от первого: Если бы апологет имел перед глазами текст "Физиолога", он написал бы о змее, гиене и олене, по крайней мере, столько же, сколько о павлине (весь §1) и хамелеоне (весь §3). Однако объемы §1 и §2 примерно равны, а объем §3 превышает объем §2 в два раза. Информация о змее, гиене и олене вполне могла содержаться в одной из компиляций, посвященных животным. Кроме того, феникса в "Физиологе" (7) жрец находит на алтаре в виде червя на следующий день. Феникс у Тертуллиана возрождается сразу после смерти: *natali fine decedens atque succedens*.

Для нехристианских авторов феникс ассоциировался либо с его долгожительством, либо с его необыкновенным видом. Лукиан (II в. по Р.Х.) в "Гермотиме" (53) использует выражение "прожить век феникса" в значении "прожить очень много". У Плутарха в "Пифийских диалогах" (*De defectu oraculorum*, II, 415 C) приводится цитата из Гесиода, согласно которой время жизни феникса — девять жизней ворона, а нимфы живут десять жизней феникса. Согласно переводу Гесиода, сделанному Авзонием (IV в. по Р.Х.) "обновляемый феникс" (*reparabiles ales*) живет в девять раз

дольше ворона (Эклоги, 4, 5-6). Если бы феникс не был символом исключительности, Марциал (Эпиграммы, V 37, 12-14) не написал бы: "И представлялся рядом с ней павлин гадким, / И некрасивой белка, феникс же пошлым (*frequens*) — / Эротия, которой прах еще тепел <...>". (Пер. Ф.А.Петровского). Как было сказано выше, для Марциала феникс был так же символом обновления (Эпиграммы. V 7, 1-4). У Лукиана феникс упоминается наряду с грифом, истоками Нила и антиподами (73 [Судно], 44). Синесий из Кирены (2-я пол. IV в. — 1-я пол. V в. по Р.Х.) подчеркивает редкость феникса (Дион Хризостом, 9, 2-3). Итак, у языческих писателей феникс часто входил в каталог диковинных птиц. Можно сказать, что использование его образа в полемических целях принадлежит христианским авторам, хотя не они ввели первыми в этот миф мотив тождественности умершего феникса его преемнику. По словам А.С.Уварова, "древний символ бессмертия получил у христиан это же значение, но в особенности значение воскресения из мертвых" (Уваров 2001: 233). Аргумент, "который Отцы Церкви хотели извлечь из веры в воскресение феникса, мог иметь силу лишь для собеседников, знающих заранее эту историю и считающих ее истинной" (Hubaux, Leroy 1939: 189). Марциал не стал бы использовать в своем панегирике императору, восстановившему сгоревший Рим, новый, ранее неизвестный мотив возрождения чудесной птицы (Hubaux, Leroy 1939: 190). Заметим, что используемая Марциалом версия воскресения из огня, будучи известной и годившейся для прославления императора, не должна была обязательно быть реалистичной.

Из двух существовавших версий церковные писатели могли выбирать ту, которая, по их мнению, могла сильнее подействовать на читателя, то есть либо убеждала правдоподобием, либо поражала красотой и величием. Из христианских авторов грекоязычный Климент Римский заявляет о похоронах костей феникса-предшественника. Латиноязычные же писатели (у Амвросия речь идет не о похоронах останков, а о почестях, оказываемых воскресшим фениксом своей могиле-колыбели) настаивают на воскресении таинственной птицы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аверинцев С.С., 1987, От берегов Босфора до берегов Евфрата. Москва.
- Бадж Э.А.У., 2001, Мумия. Материалы археологических исследований египетских гробниц. Москва.
- Бычков В.В., 1995, Эстетика Отцов Церкви. Москва.
- Грейвс Р., 1992, Мифы Древней Греции. Москва.
- Матье М.Э., 1956, Древнеегипетские мифы. Москва, Ленинград.
- Свенцицкая И.С., 1987, Раннее христианство: страницы истории. Москва.
- Торшилов Д.О., 1999, Античная мифография: мифы и единство действия. С.-Петербург.
- Тураев Б.А., 1922, Древний Египет. Петроград.
- Уваров А.С., 2001, Христианская символика. С.-Петербург.
- Юрченко А.Г., 2001, Александрийский "Физиолог". Зоологическая мистерия. С.-Петербург.
- Albrecht M. von, 1992, Geschichte der römischen Literatur. Bern—München.
- Ayers R.H., 1979, *Language, logic, and reason in the Church Fathers: a study of Tertullian, Augustine, and Aquinas*, *Altertumswissenschaftliche Texte und Studien*. Bd. 6.
- Hubaux J., Leroy M., 1939, *Le mythe du phénix dans les littératures grecque et latine*, Bibliothèque de la Fac. de philosophie et lettres de l'Univ. de Liège. Fasc. 82.
- Lauchert F. 1889, *Geschichte des Physiologus*. Mit zwei Textbeilagen. Strassberg.
- Nilsson M.P., 1967, *Geschichte der griechischen Religion*. München.
- Pépin J., 1958, *Mythe et Allégorie*. Les origines grecques et les contestations judéo-chrétiennes. Paris.
- Preller L. Jordan H., 1883, *Römische Mythologie*. Berlin.
- Rahner H., 1957, *Griechische Mythen in christlicher Deutung*. Darmstadt—Zürich.